

О Б Щ Е С Т В О И Р Е Ф О Р М Ы

Э.А. ПАИН

Исторический "бег по кругу"
(Попытка объяснения причин циклических срывов
модернизационных процессов в России)

"Прогрессивное человечество", с трудом отвыкая от представлений об истории как о равномерном и прямолинейном процессе, всякий раз испытывает интеллектуальную растерянность в случаях возникновения попятных движений и возрождения политических явлений, казалось бы, давно ушедших в прошлое. Так произошло и в начале 2000-х гг., когда либеральные реформы предыдущего десятилетия сменились контрреформами: новым витком рецентрализации, государственной монополизацией экономики, ограничением свободы слова и другими признаками авторитаризма. В таких условиях оживился интерес к анализу цикличности развития России, определяемой как непрерывная череда кратковременных либеральных оттепелей и длительных консервативных заморозков – реформ и контрреформ. Вот как, например, сформулировал последовательность этого процесса А. Кара-Мурза: «Радикальное усилие сблизиться с цивилизацией Запада – далее реформа "пробуксовывает", обрастает "издержками", постепенно приобретает черты псевдореформы – и, наконец, на волне ностальгии по былому имперскому могуществу и, пусть условному, социальному единству и идентификационной ясности на авансцену выходят жесткие государственники-реставраторы и крайние националисты» [Кара-Мурза, 1999, с. 41]¹.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что, разделяя в целом концепцию подобной цикличности, я не рассматриваю это как уникальную особенность России. Напротив, чередование модернизации и реставрации в новой и новейшей истории – скорее правило, чем исключение. О пяти незавершенных революциях в Испании писал еще К. Маркс, и с тех пор эти циклы там повторялись, как минимум, дважды. Более двух веков революции и реставрации чередуются во Франции с ее двумя империями и пятью республиками. Реставрационные процессы были характерны для истории Англии, Германии и многих других стран.

Причинам устойчивости однотипных циклов развития в России даются разные объяснения. Некоторые политики и эксперты пытаются связать ее чуть ли не с генетическими особенностями населения нашей страны. Так, президент США Дж. Буш в 2007 г. объявил, что склонность России к централизованной власти – "базовая российская ДНК" (цит. по [rian.ru/world/america/20071017/84325978.html]). Не берусь судить о том,

¹ Известны и другие классификации циклов реформ и контрреформ (см., например, [Янов, 2002; Клямкин, 2007]).

что имел в виду и чем руководствовался американский лидер, делая такое заявление. Меня больше занимает удивительное сходство его оценки с позицией отечественных антизападников – апологетов "особого российского пути", понимаемого в сугубо традиционалистском ключе как фатальную предопределенность, обусловленную вечной неизменностью культурных свойств российской цивилизации².

Не отрицая особенностей исторического развития России, я решительно не согласен с пафосом исторического фатализма, пронизывающего парадигму российского традиционализма, о чем не раз высказывался в публичных дискуссиях [Паин, 2007; 2008]. В данной же статье я хочу сосредоточиться на ином аспекте упомянутой проблемы: на анализе цикличности в рамках различных версий теории модернизации. На такой теоретической основе строится моя концепция чередования циклов реформ и контрреформ как следствие **фрагментарной, неравномерной и диспропорциональной модернизации**.

Особенности развития России в свете концепций модернизации

Даже ограничивая обзор подходов к объяснению цикличности только концепциями модернизации, мы все равно оказываемся в безбрежном море идей, которые придется весьма огрубленно и в чем-то произвольно объединить в несколько групп. Без претензий на исчерпывающую систематичность своих обобщений позволю себе выделить лишь некоторые специфические характеристики российской модернизации.

Догоняющая (верхушечная или мобилизационная) модернизация – наиболее распространённое определение при объяснении особенностей российского пути развития. Один из столпов исторической социологии Р. Бендикс считал важнейшим побудительным мотивом такой модернизации осознание элитами актуального отставания страны, чаще всего в условиях проигранных ею войн или перед лицом угроз вражеского нашествия [Bendix, 1983]. Именно при актуализации угроз существованию страны чувство опасности охватывает элиты, побуждая их к реформам. Однако узость социальной базы реформирования делает его крайне неустойчивым: как только элиты обеспечивают реализацию задач самосохранения или усматривают в продолжении реформ угрозы своим интересам, они останавливают обновление. Незавершенные, оборванные преобразования не находят отклика у основной массы населения. Народ обычно воспринимает такой процесс обновления страны как внешнее, инородное, навязанное явление, а зачастую и как иностранное вмешательство в традиционную жизнь, поэтому верхушечные реформы всегда сменяются взрывом традиционализма, заменой целей прогресса ("догоним и перегоним") целями традиционализма ("уйдем в себя", "найдем золотой век в прошлом" и т.п.). Данный тип реформирования страны (исключительно "сверху") утвердился в России начиная с XIX в. [Эйдельман, 1989; Янов, 2002]. Как видим, в определении российской модернизации как "догоняющей" проявляется прежде всего ее незавершенный, фрагментарный характер.

Периферийная модернизация. Это определение вытекает из теории И. Валлерстайна о миросистеме, разделяемой на ядро, периферию и полупериферию. На мой взгляд, при внешней новизне этой популярной концепции она лишь переводит на язык географии и геополитики идею "догоняющей модернизации", при которой страны второй и третьей линии от центра стремятся воспроизвести достижения наиболее развитых государств. К полупериферийным странам Валлерстайн относит и Россию XX в., и эта оценка приобретает у него черты роковой предопределенности, ибо периферийные страны обречены на отставание [Валлерстайн, 2006]³. С этим трудно согласиться, поскольку подобный вывод противоречит историческим фактам. Еще С. Роккан

² Подробнее об исторических корнях и идеологических основах такого подхода см. [Ларюэль, 2004; Шнирельман, 2007].

³ Поправка на географию в процессе догоняющего развития вполне уместна, она многократно подтверждалась в социогеографических исследованиях распространения инноваций от центра к периферии [Хагетт, 1979, с. 344; Хегерстрандом, 1979, с. 86–111; Паин, 1987, с. 10–24].

сформулировал "великий парадокс развития Европы", состоящий в том, что наиболее сильные и долговечные политические системы возникли на периферии Римской империи – одной из первых миросистем, тогда как центральные ее районы (территории Италии и Германии) до середины XIX в. оставались разрозненными и разобщенными [Rokkan, 1969, p. 53–73; State... 1999].

Неравномерная модернизация – также весьма популярная характеристика, указывающая на еще одну сторону фрагментарности процесса обновления общества. Помимо узости социальной базы реформ, они были также узки и по зоне охвата общественной жизни, ограничиваясь достижением быстрого экономического роста в сферах, главным образом связанных с повышением обороноспособности страны. Между тем временные прорывы в области экономики не уменьшали общий уровень отсталости страны в силу диспропорций в ее развитии. Такая модернизация требовала мобилизации ресурсов всех видов, прежде всего человеческих, что приводило к их быстрому исчерпанию. Речь идет не только о прямых демографических потерях в ходе осуществления таких принудительных экономических проектов, как коллективизация, сопровождавшаяся голодом и вымиранием, или индустриализация в форме "великих строек" силами заключенных, но и о долговременных демографических потерях, связанных с закреплением в массовом сознании низкой ценности человеческой жизни. Во многом именно этим объясняется нынешний демографический кризис в России, замыкающей список европейских стран по показателям продолжительности жизни и, к сожалению, лидирующей по показателям смертности [Архангельский, 2005, с. 54–63; Рыбаковский, 2006].

Мобилизационный принцип связан с принуждением и подавлением инициативы, а в таких условиях даже потенциально позитивные инновации оказываются либо полностью бесполезными, либо ограниченными по своему воздействию на повышение жизнеспособности обществ. А. Мартинелли обратил внимание на то, что советский дискурс модернизации в большей мере, чем западный, культивировал идею научно-технического прогресса. Достаточно вспомнить известный лозунг: "Коммунизм = советская власть + электрификация всей страны". Вместе с тем в советской мобилизационной модернизации эта идея отрывалась от своей естественной основы – эмансипации личности и поощрения свободы научного творчества [Мартинелли, 2006, с. 38]. В результате великие научно-технические достижения становились достоянием лишь узкой сферы, преимущественно оборонной, не распространяясь на самые широкие области жизни страны, включая и народное хозяйство. Многие важнейшие направления науки (например, генетика и кибернетика) искусственно подавлялись, а их место долгие годы занимали ложные научные направления. Наконец, неорганичный характер включения науки в мобилизационную модернизацию приводил к тому, что узкий слой научной интеллигенции насильственно прореживался в результате репрессий или вымывался миграционной "утечкой умов" при первой же возможности. На мой взгляд, именно фрагментарность научно-технического развития и его отрыв от роста человеческого капитала может иметь наиболее драматические последствия для России по мере ее перехода к постиндустриальной стадии модернизации.

Скачкообразный характер модернизации представляет одну из главных особенностей развития России, отличающую ее от сравнительно равномерного и последовательного развития стран Запада. Скачкообразность, естественно, выступает как одна из проекций фрагментарной модернизации. При ней новые элементы в жизни общества не стимулируют развития, они лишь напластовываются на традиционные институты, длительное время сохраняя статус инородных, чуждых вкраплений, столь характерных для многоукладного общества. Данный тип, описанный еще Марксом и названный "азиатским способом производства", широко представлен и в современном мире многими странами Азии и Латинской Америки. Характерен такой вариант развития и для России, где он проявляется прежде всего в многоукладности политической системы, соединяющей реальные институты авторитарно-централизованного управления и декоративные институты демократии, слабо связанные с обществом и мало

влияющие на его развитие. Между тем именно застой в развитии политической системы, и в первую очередь слабая вовлеченность населения в управление страной, как раз и определяет общий низкий уровень способности государства и общества к модернизации. Данный вывод неоднократно подтверждался исследованиями Г. Алмонда, Л. Пайя, Г. Пауэла, С. Роккана и др. видных социологов и политологов [Almond, Powell, 1960; Pay, 1966; State... 1999].

Мнимая (ложная) модернизация. Некоторые исследователи интерпретируют застой в политической составляющей преобразований при бурном развитии индустриализации как показатель "ложной модернизации". П. Штомпка на примере СССР и коммунистических стран Восточной Европы показал, что элементы современности, навязанные обществу авторитарной властью, причудливо сочетаются с наследием до-современных эпох, прикрытым символическими суррогатами институциональной модернизации. В этом смысле социалистическая модернизация "мнима", поскольку в политической области государств социалистического лагеря происходила лишь имитация перемен. Вместо демократических институтов власть навязывала обществу их заменители, суррогаты. Наиболее очевидный пример – конституции – демократические по букве, но которые на деле не отвечали интересам граждан и не соответствовали демократическим нормам. Суррогатами демократии были также выборы по закрытым спискам кандидатов от одной партии, контролирующей государство. Другие партии либо отсутствовали, как в СССР, либо не обладали, как в так называемых странах народной демократии, реальными возможностями борьбы за власть [Штомпка, 1996]. Нечто похожее, хотя и в смягченной форме, происходит в России при реализации политической доктрины "суверенной демократии". В этом плане еще более "суверенны" демократии в государствах Средней Азии или в Белоруссии, где модернизации в еще большей мере могут быть охарактеризованы как мнимые и иллюзорные.

В принципе все приведенные определения модернизационных трансформаций не противоречат друг другу и могут использоваться в качестве уточняющих в объяснении повторяемости исторических коллизий российского пути развития как "бега по кругу". Вместе с тем все они оставляют без ответа важнейший вопрос **о путях выхода из этого "порочного круга"**. Сама идея извечного движения по кругу противоречит сути теории модернизации, которая во всех своих версиях отвергает исторический фатализм, предполагая возможность прогресса (но не его предопределенность или неизбежность). Это подтверждает мировой опыт. Так страны, находившиеся на периферии в эпоху Римской империи, стали впоследствии лидерами европейской модернизации. Многие другие государства, включая те, что сегодня входят в число наиболее развитых, в свое время были в роли "догоняющих", испытывая проблемы, очень похожие на российские. Попытки же найти ответ на вопрос, что мешает России преодолеть силу сопротивления догоняющей модели развития, на мой взгляд, возвращают нас к рассмотрению идеи **"фрагментарной модернизации"**, в ходе которой **не сформировались ключевые факторы, ответственные за переход общества с траектории "догоняющего" развития и "бега по кругу" на траекторию устойчивого развития.**

"Локомотивы развития": ключевое звено модернизации

На рубеже XIX–XX вв. авторы теорий социально-политических изменений были увлечены поиском "локомотива", с помощью которого различные народы осуществляли переход от традиционных систем общественных отношений к новым, современным. В качестве ведущего фактора перемен Маркс, как известно, рассматривал действие закона соответствия производительных сил и производственных отношений, М. Вебер исследовал изменение структуры ценностей и культурных норм, разделяемых обществом, а Э. Дюркгейм – смену типов социальной солидарности.

Идеи классических теорий социального развития со временем были переосмыслены. В более поздних их версиях аналитики отказались от жесткого противопоставле-

ния традиционных и современных обществ, обнаруживая как их противоборство, так и преемственность. Далее, с середины XX в. исследователи, сохраняющие верность теории модернизации, перешли к анализу интегральных общественных единиц, отражающих одновременно множество направлений развития (экономическое, социальное, культурное), которые в классической теории модернизации рассматривались раздельно. При таком подходе потребность в поиске "локомотива" модернизации не исчезла, хотя и изменился угол зрения на его роль.

Так, Бендикс одним из первых обратил внимание на роль государств-наций как новой базовой единицы интегрального анализа экономической, политической и культурной жизни в современном мире: при переходе от государств имперского типа к государствам-нациям постепенно возникает триада основных признаков современности – "светская власть, правление от имени народа и эгалитарная этика". Собственно, и сама модернизация – это прежде всего процесс десакрализации, разрушения мифа о святости иерархической системы личной власти и утверждения новой идеологии – *народного мандата* [Bendix 1983, p. 11]. Идеология нации была сконструирована новой элитой для победы над традиционной династической системой власти. Она же обеспечивала большую свободу для экономического развития и научно-технического прогресса. Проект гражданской, политической нации исторически возник как рефлексия касательно роли общества по отношению к монархическому, имперскому государству. Этот проект тесно связан с идеологией "народного мандата (суверенитета)", развиваемой уже несколько веков европейскими мыслителями от Ж.-Ж. Руссо до Ю. Хабермаса. Суть ее хорошо известна: не государь, а народ (общество-нация) – источник власти, суверенитета; не народ (нация) служит государству, но напротив, именно оно – "слуга народа", проводник его коллективного интереса.

Важность роли политической нации становится особенно понятной в периоды модернизационных срывов, откатов, когда вновь возрождается сакрализация государства как вертикали власти и реанимируется культ обожествления лидеров-вождей, воспринимаемых если не как помазанников божьих, но как дар судьбы. В массовом сознании такие лидеры признаются незаменимыми, призванными править без ограничения времени, поскольку в случае их ухода страну ждут большие потрясения или даже трагедии. Во времена И. Сталина народ устрашали империалистической агрессией; в нынешней России чаще пугают угрозами "олигархического реванша" (см., например, [Президент... 2007; Орлов, 2006]). Подобные настроения могут рассматриваться как эмпирическое доказательство отсутствия или слабого развития **политической нации – основного субъекта модернизации.**

В такой ситуации население легко поддается политическим манипуляциям, а подлинно национальные – общественные – интересы подменяются интересами узкого круга лиц, причастных к власти, к так называемой "политической элите". Само формирование и воспроизводство такой "элиты", осуществляясь вне рамок общества-нации, без общественного участия и контроля, подчинено законам негативной селекции, поэтому отсутствие политической нации как основного субъекта развития обрекает страну на призывол безответственного и зачастую некомпетентного правящего слоя. При отсутствии политической гражданской нации даже осознание необходимости реформ лишь воспроизводит коллизии фрагментарной, верхушечной модернизации со всеми вытекающими отсюда последствиями непоследовательного, скачкообразного развития, не уменьшающего общей отсталости страны и рано или поздно побуждающего к революциям.

Здесь, наверное, уместно подчеркнуть, что политическая нация – не столько сложившийся феномен, достигнутое состояние, сколько процесс, пики которого пока еще не пройдены ни в одной из стран мира [Habermas, 1986]. Политическая нация – не государство и не население страны, это общность, скрепленная едиными культурно-ценностными узами, единой гражданской идентичностью и осознанием своей роли по отношению к государству. На мой взгляд, наиболее точное определение политической нации дал К. Дейч: "Нация – это народ, овладевший государством и сделавший его

орудием реализации своих общественных и в этом смысле национальных интересов" [Deutsch, 1953].

Другой элемент системы "государство–нация" – собственно государство как рационально устроенная организация, развивающаяся на основе не столько моральных норм (как общество), сколько эволюции права. Если для роста эффективности социума необходима самоорганизация, то для государства важнее всего определенность внешних, установленных (монархом, обществом или мировым сообществом) правил и процедур деятельности бюрократического аппарата. Государство – это институциональное воплощение политической власти в современном мире. В системе "государство–нация" согласование интересов обоих компонентов обеспечивается представительной демократией, созданной для защиты основных прав граждан и состоящей из выборных должностных лиц, ответственных перед обществом.

В случае, если политическая нация не сложилась, демократические институты, заимствованные элитой в периоды либеральных реформ, не приживаются в традиционной культуре, выступают инородным телом либо играют роль декорации, что в наибольшей мере заметно в периоды возвратных модернизационных процессов. На мой взгляд, периоды модернизационных срывов как раз и являются следствием неразвитости общества-нации; они же с необычайной выразительностью обнажают отсутствие социальных корней у демократических институтов, не опирающихся на общество и его базовые ценности. Лучшим примером тому может служить современная Россия, в которой наблюдается парадоксальная картина: permanently убывающий с 1990-х гг. уровень доверия населения ко всем институтам власти, суду, партиям и общественным организациям при устойчиво высоком рейтинге президента В. Путина [Общественное... 2002, с. 42]. Объясняется этот парадокс просто: президент воспринимается не как элемент единой институциональной политической среды, а исключительно в личном качестве – как дар судьбы. Такой разрыв образов весьма характерен для традиционного, донационального сознания, отделяющего, скажем, царя от бояр. В условиях неразвитости общества-нации сама задача формирования современных политических институтов, особенно партий, становится маловыполнимой, поскольку те чаще всего возникают лишь как группы поддержки популярных вождей. При отсутствии политической нации в масштабе страны возникают проблемы с формированием институтов гражданского общества: они разобщены и обычно быстро исчезают после решения некоторых локальных задач (предотвращения захвата земель и выселения жителей в районах новой застройки или возврата задолженности по выплатам зарплаты, и т.п.).

"Обоз отсталости": факторы, тормозящие развитие общества как субъекта модернизации

Не претендуя на исчерпывающее объяснение причин, в силу которых в России пока не сложились ни политическая нация, ни гражданское общество, выделю три важнейших, на мой взгляд, фактора, обусловивших исторический "иммунный дефицит" нашей страны в контексте инновационных преобразований.

Верхушечное сословие вместо элиты. Современная историческая социология, прежде всего благодаря исследованиям Б. Мура, пришла к выводу о том, что нации быстрее формируются там, где в недрах традиционных обществ складываются социальные слои, способные противодействовать концентрации власти в руках монархов и стимулировать формирование общественного самосознания социума. В Англии, например, уже в Средние века сложилось равновесие между властью монархии и аристократии. При таком равновесии аристократия ограничивала власть монарха, тем самым не противостояла абсолютизму, а король ограничивал независимость аристократии, что предотвращало распад страны. В сложившихся исторических обстоятельствах аристократия возглавила борьбу общества за три связанные между собой цели: контроль над деспотической властью, замену произвольных норм, проводимых в жизнь монархом, рациональными общественными, участие населения в формировании правовых норм

[Moore, 1966, p. 414]. Таким образом, английская аристократия, впоследствии в союзе с буржуазией и сама обуржуазившаяся, исторически выступила основной силой формирования институтов гражданской нации в стране, в первую очередь парламента. Во Франции аналогичную роль сыграло третье сословие. В России же аристократия сравнительно быстро превратилась в класс "служивых людей", военных и гражданских, который целиком зависел от расположения царя. Что касается российского третьего сословия, то оно просто не успело сложиться как самостоятельный политический класс за те полвека, которые отделяли падение крепостного строя от социалистической революции. Это становление политического класса не завершено и ныне.

Согласно исследованиям Левада-Центра, те категории социальных субъектов, которые в общественном мнении чаще всего определяются как "российская элита", на самом деле не отвечают социологическим критериям, выработанным для верификации данного понятия. Во-первых, они не самостоятельны и демонстрируют свою сервильность, безынициативность, а во-вторых, в социально-политическом смысле не выступают перед другими группами населения как образец для подражания. Сказанное справедливо ко всем разновидностям отечественной квазиэлиты. Современное "служивое сословие" – наделенные властью люди (управленцы, номенклатура, кадры, бюрократия, начальство и т.п.), не могут считаться элитой ни по профессиональным (критерий квалификации), ни по деловым качествам (критерий эффективности). "Образованное сообщество" (интеллигенция, включая "властителей дум") – также не элита, поскольку не имеет самостоятельных политических интересов и не обладает средствами организованного публичного выражения своей самостоятельности. Аналогичная ситуация и с "высшим обществом" – группой людей с наиболее высоким социальным статусом, носителей выдающихся инновационных достижений в различных сферах (от политики и финансов до искусства и спорта). Этот социальный слой, казалось бы, способен быть элитой, и через свое влияние на прессу, моду, школу мог бы вести за собой общество, формируя образцы для подражания или моральные ориентиры для других групп. Однако в российских условиях он не выступает в таком качестве прежде всего потому, что не стремится стать лидером нации [Гудков, Дубин, Левада, 2007, с. 54–55].

Та же тенденция прослеживается на уровне среднего класса – некоего отечественного "третьего сословия", которое многие эксперты прочили на роль потенциальной элиты нации-общества. Даже в количественном измерении с начала 2000-х гг. доля его представителей среди городского населения не возрастала, а напротив, снижалась с 25 до 20%. Еще важнее, что за это время изменилось социальное наполнение рассматриваемой группы: доля предпринимателей в ней сократилась с 13 до 6%, а удельный вес государственных служащих, наоборот, вырос с 49 до 54%. Такой состав российского среднего слоя во многом определяет преобладание у него вовсе не гражданских, а подданических ориентаций.

Социологические исследования указывают и на значительные различия в социально-политических позициях нашего среднего класса и западного в представлении о государстве, демократии и политической оппозиции. Российское государство в глазах отечественного "третьего сословия" – генератор жизненных смыслов, а не арбитр, следящий за соблюдением правил. Больше половины респондентов отдают приоритет интересам государства по сравнению с интересами отдельной личности. Еще одна любопытная деталь: 42% респондентов безоговорочно и 45% частично разделяют экзотическое для европейца мнение: задача политической оппозиции – оказывать правительству помощь в работе, а не критиковать его. Все это мало похоже на признаки гражданской нации как "общества, овладевшего государством" [Юсупова, 2007].

Второй фактор я бы условно обозначил как перманентное использование властями предрержащими практики *подмены "натурального политического продукта" его идеологическими суррогатами*. Модернизация – прежде всего распространение инновационного опыта, в том числе и опыта формирования наций. Казалось бы, страны гонящегося развития могли брать у стран пионерной модернизации все хорошее, со-

ответственно, отбрасывая все несостоятельное. К сожалению, в нашей стране действовал другой принцип заимствований: "служивая элита" отбирала лишь тот опыт, который укреплял ее позиции, напротив, выбраковывая все, что угрожало монополии на власть.

Так, в России до конца правления династии Романовых отсутствовало адекватное западноевропейскому понятие нации как политического сообщества, где народ выступает в качестве источника легитимности и суверенитета, хотя образованная элита России уже в XVIII в. освоила из французских источников термин "нация" [Суни, 2007, с. 60]. Действительно, идеология национализма в виде требования политических прав на определенную территорию для отдельно взятой культурной общности сравнительно быстро распространилась из Франции по всему миру. Не стала исключением и Россия, однако ее элита не столько воспринимала данную идеологию, сколько старалась имитировать национализм, всячески выхолащивая его гражданское содержание. Если до Николая I цари и аристократия кичились своей инородностью, происхождением от викингов Рюриковичей и византийских императоров, то после буржуазных революций в Европе и восстания декабристов российской монархии срочно потребовались доказательства своей "укорененности". Так возникла доктрина "официальной народности" или "официального национализма", который, по оценке Б. Андерсона, стал "ответом правящих групп, преимущественно династических и аристократических, на угрозу исключения или маргинализации последних в воображенном сообществе" и был связан "с попытками аристократии и монархии сохранить империю" [Anderson, 1991, p. 109–110]. Те же причины самосохранения заставляли советское руководство декорировать советскую империю под добровольный союз республик. Видимость демократического, национально-федеративного устройства нужна была потому, что Сталин понимал: имперский тип правления в XX в. уже не легитимен в глобальном масштабе. Точно так же нынешние российские лидеры декорируют свой главный политический проект рецентрализации страны под особые демократию ("суверенную") и федерацию ("вертикальную").

Равным образом не прижилось у нас и по сию пору понятие политической нации: его заменяет представление о ней как о замкнутом этническом сообществе (русская, татарская, еврейская и др. нации). Не сложился у нас и гражданский национализм – комплекс идеологических представлений и политических практик, в которых центральное место занимает стремление к установлению народного (то есть общественного) суверенитета. В России распространен иной, этнический национализм – идеология превосходства одного этноса над другими и сопутствующие этому требования доминирующих или даже исключительных прав одних этнических групп по отношению к другим⁴.

На мой взгляд, первопричина всего этого в том, что, начиная с XIX в., история России – *это история империи, которая хотела выглядеть как государство-нация*. Такая имитация – один из важных элементов российской политической традиции. Отечественная история показала, что методика, при которой некое не желаемое властью политическое явление не запрещают, а заменяют суррогатом, весьма результативна с точки зрения самосохранения авторитарной власти. Данная политическая технология

⁴ Следует заметить, что этнический компонент присутствовал в идеологии гражданского национализма и в тех странах, где он зарождался. Сегодня мало кто помнит о том, что гражданские требования Великой французской революции изначально распространялись не на всех, а лишь на этнических французов. Многие лидеры этой революции демонстрировали этнические фобии. Например. Б. Барер в своем докладе Комитету общественного спасения в 1794 г. так характеризует не французов: "Федерализм и предрасудок говорят на бретонском диалекте, эмиграция и ненависть к республике – на немецком, контрреволюция – по-итальянски, а фанатизм – по-баскски". Схожие мысли высказывал аббат Грегуар и многие другие борцы за "свободу, равенство и братство" (цит. по [Коротеева, 1999, с. 39]). Однако со временем гражданский национализм во Франции сумел перерасти свою детскую болезнь этнической ограниченности, чего в России не произошло.

на века задержала рождение у нас политической нации со всеми вытекающими из этого последствиями для модернизационных трансформаций. "Официальная народность" стала преградой для утверждения идеи народного суверенитета. Ее сценарий не нуждался в народе, которому позволялось любить государя и государство и умирать "За царя и отечество" или "За родину, за Сталина", но не легитимировать власть и тем более участвовать в ней. Народное участие заменялось патернализмом: "Государь – отец народа – сам знает, что нужно подданным". Доктрина "официальной народности" идеологически закрепила за государством, а не за нацией центральное место в историческом развитии. В лоне этой доктрины сформировалась концепция особого характера русского народа, отличающегося от хаотического аморализма Запада и обладающего врожденным превосходством над ним. Причем идеологические заигрывания с русским народом и православной религией как основой "народности" и "опорой империи" не препятствовали жесточайшей эксплуатации именно этого этноконфессионального сообщества. В чем-то положение русских в Российской империи было хуже, чем положение других этносов: большую часть крепостных составляли именно русские православные люди. Впрочем, приниженное положение государствообразующих народов было характерно не только для Российской империи. Как отмечает В. Галецкий, "русский, турецкий, австрийский и венгерский этносы были имперообразующими, но они, как представляется, все же были в первую очередь инструментом, а не целью имперского строительства" [Население... 2002, с. 50–51].

Итак, официальный национализм во многих отношениях противоположен гражданскому. Если последний рождался как народная идеология, противостоящая монархической имперской власти, то официальный имеет совершенно иную природу: он внедряется "сверху" в качестве элитарной идеологии, сконструированной в целях сохранения империи. Здесь мы переходим к третьему фактору – *империя вместо нации*⁵. Известный американский политолог А. Мотыль полагает, что основным препятствием на пути к демократии в России "выступают не дурные политики, принимающие глупые решения, а институциональное бремя имперского и тоталитарного прошлого" [Мотыль, 2004, с. 174–175]. Подобный вывод разделяют сегодня многие исследователи, да и новый подъем интереса к концепции "империи" на рубеже 2000-х гг. был связан с поиском объяснений причин, затрудняющих политическую модернизацию в обществах, которым пока не удается вырваться из тисков догоняющего развития [Lieven, 2000, p. 22].

В различных версиях новой теории "империи" это понятие трактуется по-разному. Однако если выделить модернистское направление дискуссий, то различия оказываются не столь существенными и в основном сводятся к поиску ракурсов специфичности этого феномена. Одни усматривают ее в особом имперском типе политического режима, другие – в специфике организации имперского пространства, а третьи – в характере имперской идеологии и массового сознания. На мой же взгляд, разные подходы могут быть агрегированы, и предлагаемое мной понимание термина "имперский синдром" основано на предположении о тесной взаимосвязи трех основных проекций империи.

Первая из них – **"имперский порядок"**, отражает основную политическую сущность империи, которая, как отмечает Д. Ливен, "по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. *Власть над многими народами без их на то согласия* – вот что отличало все великие империи прошлого и что предполагает все разумные определения этого понятия" (курсив мой. – Э.П.) [Ли-

⁵ Строго говоря, этот фактор не находится в одном ряду с предыдущими, он включает их в себя как мегафактор. Все, что говорилось о преградах развития общества как политического субъекта модернизации, было так или иначе связано с противостоянием империи процессу сложения политической нации как своему антиподу и могильщику.

вен, 2005, с. 79]⁶. Формула "власть без согласия народов" не обязательно означает, что она основана исключительно на насилии. Она лишь показывает, что воля граждан и их ассоциаций, например этнотерриториальных сообществ, не имеет значения для функционирования имперского порядка. Его сохранение серьезно мешает формированию политической нации, поскольку лишает общество политической субъектности, оно лишь объект управления или ресурс – трудовой, электоральный, военный.

Другой важный элемент имперского синдрома – **"имперское тело"**. Именно этот аспект отражен в дефиниции Мотыля, понимающего под империей "иерархически организованную политическую систему, которую можно уподобить колесу – колесу без обода. Внутри этой системы элита ядра и созданное ею государство доминируют над периферийными элитами и обществами" [Мотыль, 2004, с. 13]. Это определение характеризует пространственную проекцию империи, то есть территорию, рассеченную не только рубцами колониальных завоеваний, но и разнообразными вертикальными барьерами, препятствующими политической интеграции общества. Если говорить о периоде Российской империи, то практически до начала XX в. основная часть населения – крестьянство – была и социально, и территориально отгорожена от верхних слоев общества. "Крестьяне обычно жили собственной жизнью, а в системе властных отношений место центрального правительства занимали местные помещики, а чаще – их управляющие". Разумеется, еще более отгороженной была жизнь населения национальных окраин империи. "В ситуации сохранения иерархии, различий и дистанции между элитой и огромным большинством населения было невозможно создать горизонтальные связи национального родства, которые идеально подходят для установления гражданских отношений в форме нации" [Суни, 2007, с. 59–60].

Теория политической антропологии предполагает, что подобные отношения могут складываться только в условиях открытого общества, основанного на общественном договоре, к которому могут присоединиться и тем самым стать гражданами люди любой расы, национальности. В империях же горизонтальные политические связи и отношения в масштабе страны отсутствуют, формируясь лишь локально на основе простейших и древнейших этнических или даже субэтнических отношений. Иначе говоря, территориальная целостность государств рассматриваемого типа строится на базе хрупкой матричной "этнико-генеалогической" (термин С. Хантингтона) модели интеграции [Паин, 2006, с. 24–26]. Такой характер взаимоотношений между сообществами делает интеграцию различных народов и культур неустойчивой, обеспечивая в лучшем случае их временное сосуществование в едином пространстве.

И в нынешней России сохраняются следы "имперского тела". Речь идет не только об ареалах компактного расселения некогда колонизированных этнических сообществ (чеченцев, татар, тувинцев и других), но и обо всей совокупности российских регионов – "субъектов Российской Федерации", которые в действительности лишены своей политической субъектности и объединяются на основе административного принуждения, а не осознанной заинтересованности в интеграции. И сегодня "имперское тело" во многих отношениях служит защитным панцирем для соответствующего режима. Оно позволяет властям использовать древнейший принцип управления: "разделяй и властвуй". Приведу лишь один пример. Исследователи из общества "Мемориал" подсчитали, что по количеству похищений людей в расчете на душу населения одна из республик современной России – Чеченская опережает Аргентину в период диктатуры военной хунты и разгула "эскадронов смерти" (1976–1983). Однако в Аргентине уже в начале 1980-х гг. политика хунты рассматривалась большинством населения как направленная против собственного народа, а в нынешней России аналогичные репрес-

⁶ Подобным образом трактует империю и М. Бейссингер: "нелегитимное отношение контроля со стороны одного политического сообщества над другим или другими" [Бейссингер, 2005, с. 68]. Е. Гайдар также считает важнейшим свойством имперского государства его "политический режим, а именно то, что в нем *imperium* – власть доминировала в организации ежедневной жизни" [Гайдар, 2006, с. 18].

сии воспринимаются как законные действия "своих" властей против "чужого" народа. Разумеется, Чечню большинство россиян сегодня считают территорией "нашенской", но чеченцев "своими" признают пока очень немногие.

Наконец, последний элемент имперского синдрома – *"имперское сознание"*. Оно включает в себя сложный комплекс стереотипов: имперские амбиции; подданнические настроения, например устойчивые надежды на "мудрого царя" и "сильную руку"; представления об иерархии этносов России, в которой есть главный, государствообразующий народ и все остальные. Имперское мышление лишает человека его индивидуальности, формируя самосознание винтика единой государственной машины. «Империя объединяет людей через "службу себе" (через "государево дело"), а Нация – через взаимозависимость "каждого с каждым", через взаимосвязь всех автономных, "частных дел"» [Кара-Мурза, 1996, с. 88]. Некоторые исследователи полагают, что "именно наличие устойчивого и постоянно воспроизводимого имперского сознания делает возможным как успешное строительство империи, так и ее перманентное возрождение" [Гавров, 2004, с. 47]. Вряд ли уместно выделять роль какого-либо одного из элементов имперского синдрома. На мой взгляд, куда важнее взаимосвязь всех компонентов единого синдрома и его кумулятивное воздействие на исторический процесс.

Скажем, устойчивость авторитаризма в России, по моему мнению, во многом объясняется его включенностью в целостный имперский синдром, позволяющий регенерировать, реконструировать всю систему при сохранении хотя бы некоторых из ее частей. Так, пока сохраняется "имперское тело", у властей есть возможность манипулировать страхами представителей этнического большинства относительно его разрушения. До тех пор пока сохраняются эти страхи, воспроизводится и потребность в авторитарном порядке, который, в представлениях мифологизированного имперского сознания, реально способен сохранить "тело державы". Власть умело манипулирует мифологемами имперского сознания, формируя искаженный образ модернизации, либеральных перемен как периодов хаоса, смуты и даже "национального позора" и разжигая страхи по поводу возврата прежних "смутных" времен, если не усилить вертикаль власти.

Таким образом, постоянное воспроизводство движения России по "по круговой траектории" обусловлено главным образом тем, что модернизация фрагментарна, тогда как противостоящая ей традиционная система, и прежде всего имперский синдром, целостна. Фрагментарность модернизации усугубляется тем, что верхушечный слой, заменяющий у нас в стране элиту, имеет возможность произвольно производить селекцию и примитивизировать элементы новаций, имитировать их внедрение, подменяя сущность суррогатами, и, наконец, манипулировать массовым сознанием посредством конструирования образов нововведений как нечто инородного, чуждого, навязанного России и сопряженного с разнообразными для нее угрозами.

Перспективы перехода от фрагментарной модернизации к целостной

Значит ли все это, что Россия обречена на вечное барахтанье в круговерти сменяющих друг друга реформ и контрреформ? Оптимистичными выводами относительно возможности выхода из "круга" пока не балуют нас даже либеральные мыслители-модернисты, верящие в прогресс. Например, экономист и активист на поприще развития гражданского общества А. Аузан в ряде работ предлагает термин "исторической колеи" [Аузан, 2004; 2007], который вызывает у меня сомнения. Даже если это не железнодорожный путь, сойдя с которого поезд неизбежно терпит крушение, а всего лишь автомобильная дорога, то и в этом случае транспортному средству может грозить катастрофа. Я же утверждаю, что смена направления развития социума вовсе не напоминает катастрофу: такие перемены многократно проявлялись в истории, и весьма часто смена направления развития обеспечивала рост адаптационного потенциала, а вовсе не крах. Так, еще в 1923 г. Т. Манн говорил о том, что "просить немца быть приверженным тому... что народы Европы называют свободой, было бы... равнозначно

требованию к нему совершить насилие над своей природой". Действительно, в Германии времен Второй империи и особенно Третьего рейха ценности свободы были буквально задавлены ценностями служения кайзеру или фюреру. Психология подданных, а не граждан проявлялась в Германии того времени сильнее, чем в нынешней России, а уже имперские амбиции рейха выпирали куда заметнее, чем любой из периодов истории нашей страны.

Однако во второй половине XX в. положение радикально изменилось – Германия стала ключевым элементом конструкции европейского либерализма и ценностей гражданского общества. Даже Хантингтон, склонный скорее преувеличивать роль инерционного развития обществ, чем перемен, вынужден признать радикальность изменений, произошедших в системе ценностных ориентаций населения Германии после Второй мировой войны, вследствие которых самое милитаристское по характеру массового сознания общество превратилось в одно из самых миролюбивых [Хантингтон, 2004, с. 65]. Громадные изменения базовых ценностей прослеживаются и в других странах Европы, включая Италию, Испанию и бывшие социалистические страны, вошедшие в ЕС.

Думаю, что точнее было бы сравнить влияние исторического прошлого на современное и будущее развитие страны не с колеей, а с **силой инерции**. Она тоже указывает на некоторые ограничения в свободе движения общества, в том числе и на его зависимость от особенностей исторического пути, однако **инерция по определению предполагает возможность преодоления трения (сопротивления) при усилении импульсов внешних воздействий**⁷.

Применительно к процессу модернизации общества речь идет прежде всего о мировом экономическом соревновании, проигрыш в котором России был важнейшим стимулом к ее модернизации во все времена. Но если в XIX и XX вв. экономическое отставание осознавалось верхушечными слоями лишь после неудачных войн, то в 1980-е гг. оно стало очевидностью в мирное время. Эта же тенденция, на мой взгляд, может обозначиться и в ближайшем будущем, когда станет явным отрыв России от стран, перешедших к постиндустриальной экономике, когда большая часть ВВП производится не в промышленности и сельском хозяйстве, а в сферах услуг (включая банковские и медицинские), образования и производства интеллектуальных продуктов (ресурсозаменяющие и информационные технологии)⁸.

Пока постиндустриальные страны ощущают свою зависимость от привозного энергосырья, это дает возможность существовать их сырьевым придаткам – традиционным авторитарным режимам, называемым *petro-states* (венесуэльского, нигерийского, иранского, индонезийского, саудовского и др.). К данному типу государств, по мнению ряда авторитетных экспертов, все больше тяготеет и современная Россия [Шевцова, 2006]. Однако зависимость постиндустриальных обществ от *petro-states* рано или поздно будет преодолена, что вытекает из всей логики развития постиндустриального хозяйства, само появление которого было связано с необходимостью преодоления упомянутой зависимости. В 1970–1990-е гг. эта задача уже была во многом решена за счет технологий глубокой переработки вторичного сырья и ресурсосберегающей политики. Нет сомнений, что линия на уменьшение зависимости от импорта нефти и газа бу-

⁷ Аузан в работах о "колее" приводит как пример устойчивости известный *QWERTY*-эффект. Возможно, в данном случае импульс к перемене был слабым, но если зарубежные аэропорты перестают принимать российские самолеты из-за превышения допустимого уровня шума, это – куда более сильный импульс, и несмотря на затраты, самолетный парк приходится обновлять.

⁸ С середины 1990-х гг. "все западные страны вступили в полосу *устойчивого роста информационного сектора экономики*, ставшего основой хозяйственного прогресса". К концу 1990-х гг. в США только "отрасли, производящие информационные блага, обеспечили треть прироста американского ВВП и 37% всех новых рабочих мест". Если же говорить обо всей совокупности отраслей постиндустриальной экономики, то они обеспечили 70% прироста ВВП США и крупнейших стран ЕС [Иноземцев, 2000, с. 66, 71–76].

дет продолжаться не только в связи с ростом цен на них, но и под влиянием других обстоятельств (возрастания требований к охране окружающей среды в развитых странах, борьбы против мирового терроризма, чья экономическая база – нефтегазовые ресурсы, и пр.). По некоторым оценкам, ожидается, что в ближайшие 30 лет потребности стран ОЭСР в природных ресурсах из расчета на 100 долл. произведенного национального дохода должны снизиться в 10 раз [Иноземцев, 2000, с. 76]. Одна лишь возможность сужения рынка сбыта энергетических ресурсов должна подстегнуть Россию к переходу от существования в нынешнем качестве *petro-state* к развитию постиндустриальной экономики. Есть и другие стимулы ее движения в этом же направлении – демографические, военные, экологические. Однако такой переход нельзя осуществить по традиционной для нас модели мобилизационной, верхушечной, фрагментарной модернизации. Петр I мог построить Петербург, согнав для строительства крепостных, и заставить их производить пушки на заводах Демидова. Сталин мог строить Беломорканал силами заключенных и даже разрабатывать новые самолеты в лагерных "шарашках", однако переход к информационным технологиям невозможен за счет мобилизационного напора, он требует массового добровольного и заинтересованного участия граждан, их креативности, раскрепощения индивидуальности и высокой интеллектуальной подготовки. Именно поэтому столь огромны вложения в образование постиндустриальных обществ.

Рост образования и поощрение творчества влекут за собой рост самоуважения человека и целый шлейф других социально-политических следствий. Взаимосвязь между ростом самоуважения человека и изменением его гражданской позиции в России уже заметна. Этим обусловлено, например, усиление протеста против произвола и возрождения отношения к отдельному гражданину как к "сырью" или же ресурсу (экономическому, электоральному). По моим наблюдениям, в преддверии декабрьских 2007 г. выборов в Государственную думу РФ, многие люди, долго не проявлявшие никакой гражданской активности и всячески старавшиеся отгородиться от политики (чума, мол, на оба ваши дома), не могли не возмущаться тем, как их грубо унижают, принуждая "отдать свой голос" за партию власти и ее духовного лидера. Им казался совершенно невозможным такой возврат к нравам советской эпохи. Но ведь ощущение униженности воспроизводится и в будничной жизни, во всех присутственных местах (жэках, военкоматах, милиции), где к человеку относятся как к холопу-просителю, а не как к гражданину – источнику власти. Это вызывает возмущение или, по крайней мере, чувство брезгливости у значительной массы людей, которая и хотела бы быть аполитичной, но обстоятельства не позволяют.

Подобное столкновение между традиционной формой управления в системе "вертикаль власти" и ростом самоуважения человека, его готовностью защищать свое достоинство уже проявляется и будет усиливаться. Пока золотой дождь нефтедолларов дает возможность компенсировать многие неприятности. Но когда он ослабеет, доля того, что перепадает населению, может ощутимо уменьшиться (даже очень богатое государство будет отдавать обществу все меньше и меньше крох с барского стола в силу жадности и многочисленности властной челяди). Обычно подобные вещи ведут к критическому накоплению недовольства и появлению новых политических субъектов.

Впрочем, существует вероятность роста социального недовольства и в условиях сохранения нынешнего экономического положения. Исследования Института социологии РАН показывают, что к 2004–2005 гг. закончилось действие лошадиными дозами вливаемого в население "наркоза", который обеспечивал относительную стабильность, – сравнения нынешнего положения с эпохой Б. Ельцина, объявленной временем хаоса и нищеты. Самоидентификация подавляющего большинства людей сегодня осуществляется не столько на основе сравнения себя в прошлом и настоящем, сколько при сопоставлении себя с ушедшими вперед по социальной и имущественной лестнице. Эти огромные разрывы только возрастают, а нефтедолларовый дождь лишь усиливает социальную поляризацию. Вдобавок быстро "ржавеют" социальные лифты, ответственные за вертикальную мобильность. Подняться на высшую ступеньку соци-

ально-имущественной лестницы становится все труднее, зато опуститься вниз все легче. Экономика, присосавшись к традиционным сферам производства, слабо диверсифицируется, она ограничена в возможности предоставления новых трудовых ниш, соответствующих растущим запросам. Кроме того, важнейшим источником материального благополучия и социального продвижения становится капитал социальных связей, а такой ресурс подавляющему большинству граждан современной России недоступен. Так или иначе, условия для роста неудовлетворенности населения вызревают. Это вовсе не значит, что все взорвется и народ повалит на улицы, но, вероятно, такие послышки приведут к поэтапным переменам, в частности к возникновению полноценной элиты.

Новые идеи появляются не потому, что все вдруг разом осознают их потребность. Образ "нового" конструируется и внедряется в массы элитой (как лидером общества), которая в России не сложилась. У нас есть лишь верхушечный слой людей, служащих государству. М. Горький когда-то сказал, что советская власть дала писателям все, лишив их только одного права – писать плохо. То есть интеллигенция служит государству, которое ее всем обеспечивает и при этом само определяет, что такое хорошо и что такое плохо. Это один принцип служения "элиты", однако, в России всегда существовал и другой принцип – пушкинский: "И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал". Именно народу, а не государю, и эта идея служения обществу может быть востребована новой элитой, которая начнет складываться в процессе растущей социальной поляризации, притом не только между бедными и богатыми, но и в среде богатых. А это может вызвать последствия, породившие, скажем, "оранжевую революцию", которую не зря иногда называют бунтом миллионеров против миллиардеров. Движателем перемен выступают не те, кому нечего терять, не пролетарии и тем более не люмпены, а те, кому есть что терять и кто рассчитывает приобрести больше. Экономические аутсайдеры (миллионеры, претендующие на статус миллиардеров) вынуждены опираться на общество хотя бы потому, что места вблизи "трона" уже прочно заняты их более успешными конкурентами. Вот этот слой людей может сыграть свою роль в качестве социальных лидеров, особенно если изменятся внешние обстоятельства.

Хотелось бы, чтобы формированию подлинной элиты сопутствовали просветительские усилия. Сейчас весьма ограничены независимые каналы ценностного ориентирования общества. Власть навязывает свои ориентиры, почти не оставляя возможности для трансляции иных взглядов в силу отсутствия общественного телевидения, из-за малых тиражей независимых изданий, малой аудитории независимых радиостанций и т.п. Но иногда и слабые возможности могут оказаться влиятельными, если потребность становится острой. В те времена, когда книги Л. Брежнева распространялись на каждом заводе, их популярность не могла идти ни в какое сравнение с самодельными записями песен В. Высоцкого. Так что при определенных обстоятельствах даже узкие ручейки распространения общественной информации оказываются способными конкурировать с широкомасштабными государственными каналами. И это может сыграть свою роль в актуализации различий (не всегда даже противоречий) между интересами общества и власти.

Итак, я полагаю, что уже проявление и усиление внешних вызовов может стимулировать в России перестройку всей системы общественных отношений и интересов. По-видимому, в стране уже накапливаются и внутренние факторы перемен, связанные прежде всего с потребностью какой-то части общества в самовыражении, самозащите, сплочении и социальном самоопределении. Эта потребность в сочетании с необходимостью перестройки экономики может стать контрапунктом нового этапа социально-политической модернизации России, при которой на общественную арену впервые выйдет новый ее субъект – общество-нация. Скорее всего, именно в процессе такого социально-национального самоопределения и будет формироваться элита пушкинского, а не горьковского толка, и возрастет роль общества как важнейшего элемента политической системы и осознание ценности человека и его жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архангельский В.Н.* Стратегия демографического развития России М., 2005.
- Аузан А.А.* “Колея” российской модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6.
- Аузан А.А.* Лекция “Общественный договор и гражданское общество”. М., 2004 (www.carnegie.ru/ru/pubs/media/72033.htm).
- Бейссингер М.* Переосмысление империи после распада Советского Союза // *Ab Imperio*. 2005. № 3.
- Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. М., 2006.
- Гавров С.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.
- Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А.* Проблема “элиты” в сегодняшней России: размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.
- Иноземцев В.Л.* Пределы “догоняющего” развития. М., 2000.
- Кара-Мурза А.* Как возможна Россия? М., 1999.
- Кара-Мурза А.* Между “Империей” и “Смутой” // Между “Империей” и “Смутой”. Избранная социально-философская публицистика. М., 1996.
- Клямкин И.М.* Постмилитаристское государство // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. М., 2007.
- Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.
- Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004.
- Ливен А.* Империя, история и современный мировой порядок // *Ab Imperio*. 2005. № 1.
- Мартинелли А.* Глобальная модернизация: переосмысление проекта современности. СПб., 2006.
- Мотыль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004.
- Население и глобализация. М., 2002.
- Общественное мнение-2002. По материалам исследований 1989–2002 гг. М., 2002.
- Орлов Д.* Четыре угрозы Владислава Суркова // “Единая Россия” Официальный сайт партии. 2006. 10 марта (www.edinros.ru/news.html?id=111504).
- Паин Э.* Вызовы времени и инерция традиций. Сдвинется ли Россия с “особого пути”? // Независимая газета. 2008. 26 февраля.
- Паин Э.* “Устойчивое развитие может гарантировать только овладевший государством народ” // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. М., 2007.
- Паин Э.А.* Система территориальных общностей и ее роль в формировании и воспроизводстве этнокультурных традиций // *Советская этнография*. 1987. № 1.
- Паин Э.А.* Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества // *Общественные науки и современность*. 2006. № 6.
- Президент РФ Владимир Путин предупредил об угрозе реставрации олигархического режима в России // По материалам РИА “Новости”. 2007. 21 ноября (<http://gazeta.etatar.ru/news/view/11/28521>).
- Рыбаковский Л.* Кризис депопуляции угрожает целостности России // *Россия XXI века в геополитических координатах. Доклад на первом заседании Клуба экспертов “Демографическая перспектива”*. 2006. 21 ноября (www.viperson.ru/wind.php?ID=266435).
- Суни Р.Г.* Империя как она есть: имперский период в истории России, “национальная” идентичность и теории империи // *Национализм в мировой истории*. М., 2007.
- Хэггет П.* География: синтез современных знаний. М., 1979.
- Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
- Хегерстрандом П.* Новые идеи в географии. М., 1979.
- Шевцова Л.* Россия-2006: бег на месте // Брифинг. 1 февраля 2006 г. Carnegie Endowment for International Peace (<http://www.inosmi.ru/translation/225241.html>).
- Шнирельман В.А.* Цивилизационный подход как национальная идея // *Национализм в мировой истории*. М., 2007.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
- Эйдельман Н.Я.* “Революция сверху” в России. М., 1989.
- Юсупова Д.* Новый средний // *Ведомости*. 2007. 2 февраля.

- Янов А.Л.* Патриотизм и национализм в России. 1825–1921. М., 2002.
- Almond G., Powell G.B.* Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston, 1960.
- Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1991.
- Bendix R.* Kings or People. Power and Mandate to Rule. Berkeley, 1983.
- Deutsch K.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge (Mass.), 1953.
- Habermas J.* L'espace public: archeologie de la publicite comme dimension constitutive de la société boudeois. Paris, 1986.
- Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, 2000.
- Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.
- Pay L.W.* Aspects of Political Development. Boston, 1966.
- Rokkan S.* Models and Methods in Contemporary Study of Nation-Building // Acta Sociologica. 1969. № 12.
- State Formation, Nation-Building and Mass Politics in Europe // The Theory of Stein Rokkan. Oxford, 1999.

© Э. Паин, 2008